

БОРЬБА ЗА ДУШУ РУССКАГО НАРОДА.

Въ глубинѣ, въ основѣ всѣхъ событій, свершающихся въ Россіи, за всѣми внѣшними явленіями, за всей внѣшней дѣятельностью, за всѣми усиліями и борьбой, за всѣми переживаніями и за работой каждаго дня — происходитъ сейчасъ нѣкое основное дѣйствіе, нѣкое непрерывное, неослабное напряженіе, процессъ особой важности, особой значительности: борьба за *душу* русскаго народа.

Отъ того или иного исхода этой борьбы зависитъ *судьба* русскаго народа. Мы всѣ призваны участвовать въ этой борьбѣ — какъ живущіе въ разсѣяніи, такъ и находящіеся «тамъ». Болѣе того — это какъ разъ то *основное* дѣло, къ которому мы призваны. Оно должно питать всю нашу дѣятельность, всѣ наши заботы, всѣ наши думы о русскомъ народѣ; оно должно стать той нравственной стихіей, въ которой мы живемъ и которая должна господствовать и въ нашей внутренней жизни. Сознаніе постоянности, неотступности этого дѣла придастъ каждому акту нашей жизни, каждому звену, каждому «кусочку» нашей работы, даже самой будничной, самой обыкновенной — особую интенсивность, глубину и значительность; и отъ этого вся наша борьба выиграетъ и въ *силѣ* воздѣйствія, и во внутренней *цѣнности* своей. Жизнь и работа нашего дня станутъ *религіознымъ* напряженіемъ — во имя любви, призывающей насъ дѣлать *Божіе дѣло*. Ибо борьба за душу русскаго народа есть подлинно Божіе дѣло.

Это призваніе облагораживаетъ насъ и придаетъ смыслъ нашему существованію. Оно есть *высокій даръ*, данный намъ Богомъ. И недооцѣнивать его мы не можемъ, не смѣемъ. Въ томъ дарѣ Божій намъ, что мы особенно ярко чувствуемъ, что *всѣ мы призваны*: мы призваны служить Ему, отстаивая душу русскаго народа, и притомъ — *начиная съ собственной души*. Но отстаиваніе своей собственной души противъ міроправите-

лей и властей тьмы вѣка сего — крѣпнеть именно въ борьбѣ за душу нашего народа, крѣпнеть въ дѣлѣ любви. Въ томъ сила дѣла любви, что оно возвышаетъ и очищаетъ — и самого дающаго, и предметъ его воздѣйствія. У насъ есть великая возможность: такое поле дѣятельной любви рѣдко кому предлагалось съ такою настоятельностью и убѣдительностью. Самыя событія, самый голосъ исторіи, сами внѣшнія обстоятельства нашей жизни и жизни нашего народа съ незаглушимой настоятельностью говорятъ намъ: «иди и служи на полѣ любви!» Въ этомъ наше богатство. — въ томъ, что голосъ призванія такъ громко, такъ немолчно раздастся намъ. Въ этомъ — «обратная сторона медали» всего ужаснаго, что мы переживаемъ: мы особенно ясно сознаемъ, что *мы избраны для служенія*. Всегда, всѣ мы, христіане, были и есмь избраны для служенія Богу на полѣ любви. Но никогда съ такою силою мы не признавали этого, какъ теперь. Это та радость наша, о которой говоритъ Апостоль: насъ огорчаютъ, а мы радуемся; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ . . . Т. е., конечно, если осуществляемъ призваніе, а не иначе. Иначе мы жалкій соръ, выброшенный на поприще людямъ; голые внутренно и внѣшне: нищія, не видящіе своей нищеты и кичащіеся непринужденнымъ имъ духовнымъ богатствомъ. Ибо если мы не осуществляемъ его, то оно не наше. Если же осуществляемъ наше призваніе, то не имѣемъ времени и возможности кичиться; ибо оно требуетъ отъ насъ, чтобы мы *отдали себя* ему. Ему — Высшему въ насъ и надъ нами, Владыкѣ нашему, которому мы должны покорить свою душу и душу нашего народа, начиная съ нашей собственной души — Ему подобаетъ расти, а намъ умаляться.

Въ этомъ борьба за душу нашего народа: *покореніе ея Высшему содержанію жизни, прощляющему жизнь*. Не для какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей, а просто потому, что это *дѣло любви*. Страждетъ и мятется душа русскаго народа и много на ней тяготъ, тяжелое бремя: и жаждетъ она *найти покой*; и много, много сердець и очей, все больше, въ съ болѣею жаждою обращается къ тому Источнику покоя, который говоритъ про себя: «Придите ко Мнѣ, труждающіеся и обремененные, и Я успокою Васъ».

Двадцать милліоновъ активно вѣрующихъ православныхъ насчитываютъ православные круги въ Россіи, по словамъ

одного иностранца. друга нашей Церкви. бывшаго тамъ лѣтомъ 1927 года. «А три-четыре года тому назадъ мы насчитывали лишь шесть милліоновъ», — говорили ему тамъ). И еще: «намъ тяжеле теперь, чѣмъ три-четыре года тому назадъ, но мы не слабѣе». Церковь обнажена тамъ до основанія, — говоритъ тотъ же иностранецъ: — лишенная всѣхъ внѣшнихъ данныхъ, лишенная самой элементарной свободы. лишенная даже внѣшняго общенія между своими членами... «И увидѣлъ мѣръ, что основаніе ея — на скалѣ». «Дѣло Церкви въ надежныхъ рукахъ», — писалъ недавно одинъ священникъ съ юга Россіи (въ началѣ 1927 г.):—«весь народъ церковный бережно охраняетъ Церковь. какъ величайшую святыню свою. Смуты церковныя касаются лишь поверхности».

Правда, епископовъ отрываютъ отъ паствы и ссылаютъ; но какъ мы знаемъ изъ другого письма. на границѣ вѣчныхъ льдовъ (на 3^о сѣвернѣе полярнаго круга!) сосланный епископъ. совершая литургію, имѣетъ передъ умными очами своими всю паству свою, посылаетъ ей благословеніе и молится за нее. И. чтобы и намъ здѣсь, физически отдѣленнымъ отъ Россіи. въ полной мѣрѣ принимать участіе въ этой борьбѣ за душу русскаго народа. — мы должны быть охвачены тѣмъ же *духомъ органическаго, внутренняго единенія съ нашими братьями которые тамъ.*

Потокъ растетъ. Но еще много, много мятущихся. страдающихъ душъ, не могущихъ найти покоя. Ибо вмѣсто души людямъ хотятъ какъ бы «вставить» гайку; то, что цѣннѣе всего міра. хотятъ выбросить вонъ. «Нѣтъ души»,—говорятъ большевики). И, дѣйствительно, они систематически опустошаютъ душу. Опустошаютъ душу въ городѣ, опустошаютъ ее и въ деревнѣ. Такое опустошеніе души въ цѣломъ округѣ изображаетъ Леоновъ въ своемъ потрясающемъ «Пѣтушихинскомъ проломѣ» (1922); или, на примѣръ. другой писатель совѣтской Россіи. глубоко привлекающій своею чуткостью, — Яковлевъ, въ «Смерти Николина камня». Объ этомъ опустошеніи души большевицкой системой. большевицкой идеологіей съ горечью гово-

*) Эта большая количественная разница объясняется церковными кругами не только сильнымъ ростомъ религиозной жизни, но также и лучшей освѣдомленностью теперь, чѣмъ четыре года тому назадъ.

*) Искія данныя по борьбѣ большевиковъ съ самой идеей души собраны, напр., въ книгѣ René Fülöp-Miller „Der Geist und das Gesicht des Bolschewismus“. 1926.

рять еще одинъ писатель совѣтской Россіи С. Клычковъ въ своей идейно, и художественно замѣчательной книгѣ «Чертухинскій Балакирь» (1926): «Не за горами пора, когда чело-вѣкъ въ лѣсу всѣхъ звѣрей передушить, изъ рѣкъ выморить рыбу... Тогда-то желѣзный чортъ, который только ждетъ этого, ... привертитъ чело-вѣку на мѣсто души какую-нибудь шестерню съ машины, потому что чортъ въ духовныхъ дѣ-лахъ — порядочный слесарь...» (стр. 158).

Такое опустошеніе души, добровольно продѣланное, пере-жилъ Есенинъ; — и не вынесъ. Объ этомъ говорятъ и многія изъ его послѣднихъ стихотвореній (срв. его жуткаго «Чернаго чело-вѣка» съ его безотрадно-жестокимъ самоанализомъ). Слѣ-дующія строки свидѣтельствуютъ о его глубокомъ разочарова-ніи въ окружающемъ:

«Вотъ такъ страна!
Какого-жъ я романа
Оралъ въ стихахъ, что я съ народомъ друженъ?
Моя поэзія здѣсь больше не нужна
Да и, пожалуй, самъ я тоже здѣсь не нуженъ».

Повѣсти и очерки изъ совѣтскаго быта рисуютъ намъ такіа опустошенныя души и ихъ правдивую психологію. И эти изображенія тѣмъ болѣе убѣдительны, что они большей ча-стью лишены всякой отрицательной тенденціи, ибо сами авто-ры ихъ не видятъ всего ужаса рисуемаго ими духовнаго со-стоянія. Законы нравственности отпали, осталась лишь ком-мунистическая норма поведенія: «что полезно для партіи, то — добро» (слова Ленина). Отсутствіе всякаго нравствен-наго идеала, всякаго стержня, на основѣ котораго чело-вѣкъ можетъ по крайней мѣрѣ самъ судить себя и *знать, что онъ грѣшенъ*, — отсутствіе этого стержня не пугаетъ совѣтскихъ писателей, не изображается ими, какъ нѣчто отрицательное. Для нихъ это — норма: это — должное явленіе. Отсюда огром-ная показательность ихъ изображеній совѣтской жизни. Осо-бенно много психологическаго матеріала большой цѣнности даютъ въ этомъ смыслѣ рассказы Сейфуллиной.

Дикость, дурная первобытность этихъ людей, управляемыхъ мелкими страстишками, лишенныхъ всякаго сдерживающаго и просвѣтляющаго начала. — представлена здѣсь, такъ сказать, *изнутри*, ибо авторъ чувствуетъ себя близкимъ къ своимъ ге-

роямъ. Особенно показателенъ и типиченъ герои въ рассказѣ Сейфуллиной «Встрѣча», карьеристъ революціоннаго времени. Вообще типы революціоннаго карьериста встрѣчаются на каждомъ шагу въ совѣтской литературѣ (срв., напр., Фильку Великанова въ «Страна родная» Артема Веселаго, 1927). Этому мелкому себялюбю мелкой души совѣтскими писателями противопоставляется «сознательный революціонный паѳосъ». *убивающій въ человѣкѣ все человѣческое*, тогда какъ у тѣхъ дикарей встрѣчается по крайней мѣрѣ нѣкоторое добродушіе; — паѳосъ, превращающій человѣка въ бездушную, безжалостную часть огромнаго, стихійно-движущагося потока (срв. «Желтый потокъ» Серафимовича, или талантливые, но отвратительные въ своемъ истерическомъ кривляніи и тенденціозности очерки Бабеля «Конармія»), или вѣрнѣе—въ «гайку», винтикъ огромной безпощадной машины, гигантской гильотины, обрушивающейся на цѣлую страну (срв., напр., рассказы Пильняка, или «Города и годы» Федина).

Этотъ «революціонный паѳосъ» увлекаетъ многихъ и является особенно излюбленной темой множества рассказовъ изъ совѣтской литературы. Однако онъ, повидимому, все болѣе отходить на задній планъ передъ страшными, сѣрыми коммунистическими буднями. Ужасно бѣшенство кроваваго звѣря ^), по состоянію скота, валяющагося въ грязи, не лучше. Очерки современнаго совѣтскаго быта, особенно быта учащейся молодежи **), даютъ намъ картины полнаго нравственнаго одичанія даже въ мирной обстановкѣ (срв. рядъ рассказовъ Пантелеймона Романова, особенно «Безъ черемухи»: Никандрова «Знакомые и незнакомые»; въ одномъ изъ недавно вышедшихъ рассказовъ имѣется описаніе студенческой вечеринки съ разговорами непередаваемой циничности, которые ведутся между студентами и студентками; срв. «Василій Сучковъ» А. Н. Толстого и многое другое).

А безпризорные? а совѣтская школа? а развратъ среди дѣтей?

^) Съ невыносимымъ реализмомъ рисуется оно намъ въ матеріалахъ, собранныхъ С. Федорченкою, подъ заглавіемъ: «Пароль на войнѣ» (1927). Это не литература, а подлинныя записки, имѣющія характеръ живыхъ документовъ. Отвратительнѣе, совершенно невозобразимъ тотъ кровавый разгулъ, до котораго можетъ докатиться народная душа, лишленная всякихъ основъ жизни.

***) Еще ярче, чѣмъ въ повѣстяхъ — въ изданіи въ совѣтской Россіи сборникѣ: «Комсомольскій бытъ», 1927.

Душа тоскуетъ. когда слышишь или читаешь объ этомъ. Становится ясной необходимостью борьбы за народную душу. Тѣмъ болѣе, что даже совѣтская литература не можетъ скрыть отъ насъ тоску этой души *). И эту борьбу — мы видѣли — ведетъ въ Россіи *Православная Церковь*. И эту борьбу можетъ и долженъ вести каждый изъ насъ даже въ разсѣяніи: пока *мистически* и *педагогически* — участвуя въ организаціи Церкви, молитвою и любовью, воспитывая въ себѣ (прежде всего — въ себѣ), а затѣмъ и въ другихъ *дугъ служенія* и борясь духовно съ тѣми же началами тьмы, съ которыми и тамъ борется народная душа. — или, вѣрнѣе, борется въ народной душѣ и за народную душу *сила Божія черезъ Церковь*.

Но всякое педагогическое и мистическое дѣланіе есть дѣланіе огромнаго, необъятнаго значенія: изъ малыхъ сѣмянъ, бросаемыхъ въ борозду, вырастаетъ грядущая жатва, а изъ сѣмянъ вѣры, величиною въ зерно горчичное, вырастаетъ мощное древо. «Сіе буди, буди!»

Это не отрицаніе внѣшняго дѣла и борьбы. Сила любви *не можетъ не выразиться въ дѣлѣ*. И здѣсь снимаются рамки: внѣшнее становится внутреннимъ, ибо осмысливается и согрѣвается изнутри. Внутреннее, духовное — творить и преображаетъ всю жизнь. «Сіе есть побѣда, побѣдившая міръ. — вѣра наша».

Николай Арсеньевъ.

*) Срв., напр., «Встрѣчу» и «Каштанъ-кабакъ» Сейфуллиной.